

«НОВЫЙ ТЕАТР» В МИЛАНЕ

Милан встретил меня, как всегда, дождем. Здесь редко бывает солнечно, особенно в это время года. Но итальянская зима — это не только сырость, туман и слякоть. Это еще и начало театрального сезона. А оно особенно интересно именно в Милане, ибо Милан считается театральной столицей Италии. Здесь знаменитая опера «Ла Скала», здесь наибольшее число драматических театров, здесь самые первые премьеры и самая взыскательная публика.

Мне на глаза попала афиша «Нового театра». Дают «Волчицу» — современную итальянскую пьесу с участием знаменитой Анны Маньяни (наши читатели знакомы с нею по исполнению заглавной роли в великолепном фильме «Рим — открытый город»).

Но я буду писать не о Маньяни и не о «Волчице». Просто, глядя на афишу, мне вспомнилась давняя встреча с основателем «Нового театра» и его удивительная история, которую он рассказывал мне и которую мне захотелось поведать вам...

Когда человеку за шестьдесят, он все чаще начинает оглядываться назад. И в этом нет ничего удивительного. Прожита большая часть жизни, настало время для подведения итогов. Зачастую человеческие судьбы напоминают сложный калейдоскоп с самыми невероятными метаморфозами. Реже встречаются индивидуумы-однолюбы, отдавшие все существо свое одной единственной страсти. Впрочем, дело даже и не в этом... В конечном итоге важно другое — для чего, ради какой цели прожита жизнь. Вспоминается мне в этой связи некая притча! одному очень богатому и очень жадному человеку ужасно не везло. Он собрал галерею редчайших картин и вдруг ослеп; купил для себя целый оперный театр и неожиданно оглох; завел изысканнейшую французскую кухню, и стал страдать несварением желудка; и когда, отчаявшись, он приобрел целый гарем, его хватил паралич. И никто не пожалел этого

человека, потому что он жил для себя и ничего не дал людям.

У Ремиджио Паоне всегда было больше долгов, чем денег, но он так и не свернул с той дороги, которую выбрал для себя один раз и на всю жизнь — театр. Детство — обычное, в обычной буржуазной семье среднего достатка. Незаметно пролетели годы учебы в гимназии, в лицее, потом в Римском университете. Паоне прочили карьеру адвоката, а его тянуло в театр. Часто на последние гроши скудного студенческого содержания покупался билет на галерку... Но кто в эти годы не жертвует прозаическим студенческим ужином ради театральной премьеры... Потом было много всяческих перипетий: работа в редакции антифашистской газеты «Мондо», пока ее не сожгли фашисты; служба клерком в банке, пока он не погорел и т. д.

Первая проба сил — где-то в 30-х годах. Получен заем в 30 тысяч лир (тогда это были большие деньги) от одного банкира — театрального мецената.

Паоне вместе с другим импресарио ставит «Трехгрошовую опору» в Милане. На премьеру театр переполнен, сбор — рекордный. Респектабельная публика вожливо молчит — ни свиста, ни оваций. На второй день сбор в десять раз меньше, а на третий — всего два десятка зрителей вместе со всеми капельдинерами. Провал был полным и беспощадным. Не всякому дано продолжать тот путь, на котором однажды жестоко оступился. Но эта неудача еще больше зажгла прогоревшего импресарио, а заветная цель стала еще желаннее.

И дальше события развивались как в сказке о Золушке и доброй волшебнице. В начале января 1938 года ехал Паоне из Милана в Рим. Напротив в купе сидел господин средних лет, весьма располагающей наружности. Шел обычный, ни к чему не обязывающий, разговор. И вот, сам не зная почему, Паоне расска-

зал этому человеку о своей мечте, о том, что в Италии нужно создать новый театр, по-настоящему новый, в котором можно было бы ставить трагедии Шекспира, комедии Пиранделло, драмы Чехова. Незнакомец слушал терпеливо и, казалось, безучастно. Потом он спросил:

— А сколько будет стоить создание этого нового театра?

— Около миллиона, — ответил Паоне. — А что?

— Так, ничего. Доброй ночи, — ответил незнакомец.

А на утро «добрых волшебник» (сейчас это один из крупнейших итальянских издателей Риццоли) выдал Паоне чек на миллион лир и стал акционером будущего театра по принципу: «Деньги мои — идеи ваши».

С тех пор прошло почти двадцать восемь лет. Театр, получивший название «Нового театра», все эти годы утверждал действительно новое, ни разу не свернул с пути реалистического театрального искусства. Даже в самые трудные времена — во время фашистской оккупации. В ноябре 1943 года театр гастролировал в Риме. В знак протеста он поставил пьесу Горького «На дне». Все знали, что это был вызов. Дирекция театра и артисты получили анонимные письма с угрозами. Но премьера состоялась, зал был забит до отказа. Успех был колоссальный. Артистов вызывали бесчисленное число раз. А на утро труппа театра узнала, что один из лучших актеров Ренато Чичаленте, с блестящим исполнившим роль Сатина, раздавлен насмерть немецкой военной машиной, когда возвращался ночью к себе домой...

На афишах театра никогда не появлялось никакой дешевки, «Гамлет», «Кин», «Скупой», «Дядя Ваня», «Три сестры», «На дне», «Филумена Мартурано» — вот те произведения, которые вошли золотым фондом в нелегкую историю театра. Театр много гастролировал за границей:

Лондон, Париж, Токио и другие столицы мира...

Все это мне рассказал Ремиджио Паоне, когда я сидел у него в кабинете, после спектакля «Моя дорогая леди», поставленного по мотивам пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Это был искрометный, жизнеутраченный, очень хороший спектакль. В Милане, Риме и других итальянских городах он имел неизменный успех. Мы сидели в кабинете Паоне, он, помню, отключил непрерывно звонивший телефон.

— Мое единственное желание, прежде чем умереть, это — поехать в Москву. Я собирался к вам три раза и все никак не могу выбраться, то одно мешает, то другое, то финансы не позволяют. А я очень люблю и знаю русский театр, с его великолепными традициями, с его Щепкиным, Станиславским, Вахтанговым... У вас очень любят театр и заботятся о нем. А мы самая дикая страна с точки зрения театральной цивилизации. Нам никто не помогает, все мы варимся в своем соку. Отсутствие постоянной труппы в театрах наносит непоправимый вред всему искусству в целом. С актерами не ведется постоянной работы и это плохо для всех. И потом, сколько сил приходится тратить на войну с цензурой, с налоговыми инспекторами, с кредиторами. И так вот все двадцать восемь лет... Ох, ох, и тяжела эта бухгалтерия!

На столе у Паоне лежала написанная им брошюра о себе и о театре. «25 счастливейших лет» — так гласил ее заголовок.

Я спросил у импресарио — действительно ли он был счастлив эту четверть века.

— Конечно, ибо я оптимист. Кстати, вы знаете, какая разница между пессимистом и оптимистом? Когда пессимист видит только-что начатую бутылку вина, он обычно говорит: «Ну, конечно же, кто-то выпил все вино...» Оптимист, найдя бутылку, в которой вина осталось только на донышке, восклицает: «Какая прелесть, она еще только начала!». Когда я вижу неполный зал своего театра, я рассуждаю как оптимист...

Л. СЕРГЕЕВ,
Милан. (По телефону).